

Короче, дело такое. Книга, которую вы сейчас держите в своих маленьких горячих ручонках (или читаете с диска маленького горячего гаджета), была написана членом команды «Сверхъестественного», который лучше всех знает, что творится в моей буйной головушке. Ну уж точно лучше, чем Сара Гэмбл или Боб Сингер. Видите ли, Ребекке выпала незавидная участь быть моим ассистентом. А именно сносить мои оглушительные вопли и выплескивание горячего кофе в лицо. Ладно, шутка... я на самом деле не такой... скорее, компульсивно-неврастенический тип... если пожелаете, эдакий Альберт Брукс¹, только менее фотогеничный.

Но это я отвлекся. На самом деле я общаюсь с Ребеккой больше, чем с кем-либо другим из шоу: все мои записи и наброски попадают ей на стол, она ведет серьезные поиски, предлагает великолепные идеи, и главное, ей очень удобно наблюдать, как снимается наш занюханный сериальчик. А самое-самое главное, она — ловкачка. Чертовски сметлива. И чертовски хороший писатель. И все это вылилось в книжку (или голограмму), которая сейчас покоится в ваших загребущих лапках. Думаю, вам понравится уголок, который она застолбила в нашей маленькой чокнутой вселенной. Потому что она живет в этой вселенной столько же, сколько мы все. А может, даже и больше. В любом случае,

¹ Альберт Брукс — американский киноактер, комик, сценарист и кинорежиссер. — Здесь и далее прим. переводчика.

8 | Ребекка Дессертайн

получайте удовольствие. И возносите безмолвные молитвы Ребекке: они ей пригодятся, ведь ей все-таки приходится иметь дело со мной.

*Эрик Крипке,
создатель и исполнительный продюсер
сериала «Сверхъестественное»*

Зима 1692 года.

Бледный ломтик месяца в небе, одинокая дорожка следов тянется через заснеженное поле. Из-за темных, длинных и тонких ветвей кустарника появляется девочка и ступает по замерзшей земле. Ее пышные черные юбки оставляют замысловатые отпечатки на тонком рыхлом снегу. Девочка останавливается и тщательно рассматривает землю, найдя в конце концов заросший холмик. Когда спрятанными в рукавички руками сорван мох, под ним обнаруживается могила. Не обращая внимания на холод, девочка опускается перед ней на колени. Из-под полы пальто она достает свернутый треугольником отрез пурпурной ткани, расправляет его и торжественно кладет на промерзшую землю. Достает из карманов вещицы и размещает их в точности на нем. Бледный лунный блик сверкает на серебряном абрисе пентаграммы, раскинувшей на ткани лучи к углам. Девочка достает несколько черных свечей и, сражаясь с ветром, зажигает их. Она бросает в маленькую медную чашу кусочки перьев, камушки, кристаллы, травы, прижимает лезвие небольшого кинжала к ладони и, чуть морщась, разрезает мягкую кожу от указательного пальца к запястью. Кровь капает в чашу, пятная ее содержимое. Затем из кармана появляется затертая толстая книжица, девочка нервно кладет ее на колени и листает страницы; голос ее подрагивает, когда она зачитывает из книги, пока негромко, вода пальцем под строчками.

Ветер вдруг усиливается, крепчает завывающими порывами. Девочка заслоняет глаза от снега, но продолжает

начитывать, перекрикивая бурю. Снежинки перед ней собираются вместе, будто их притягивает друг к другу невидимой силой, все плотнее и плотнее. Вихрь медленно обретает форму.

С каждым новым порывом ветра снежная фигура обретает плотность, пока перед девочкой не возникает высокая женщина. Девочка вскидывает на нее глаза, и слабый вздох срывается с ее посиневших губ. Взгляд бродит по гниющим останкам. Девочка кланяется:

— Мадам, я так по вас скучала. Лишь вам я служу.

Ее молящий голос не меняет выражения мертвых остеклевших глаз призрака.

— Я все сделала в точности, как предписывалось. Я очень старалась, — девочка вытирает нос. — Дайте мне совет. Я не знаю, как достать для него больше пищи.

Улыбка превращается в оскал. Подняв руку, женщина делает быстрое движение ее кистью, и у девочки сбивается дыхание, будто ее толкнули сзади. Ее пальцы дергаются к горлу, туда, где на тоненькой шейке сжимается невидимая хватка. Уголки глаз наливаются кровью, и не получается вдохнуть. Женщина наклоняется и ловит ее взгляд:

— Что ж, если ты не можешь, я попрошу кого-нибудь другого.

Женщина медленно поворачивает кисть руки, глаза у девочки как блюдца, а позвонки хрустят, словно цыплячи косточки. И тут из-за деревьев выступает темная фигура. Она молча приближается, достает нож и, схватив девочку за шею, рассекает лезвием горло. Маленькое тело падает в снег, безжизненные темные глаза смотрят на раскинувшееся белое безмолвие. Страницы старой книги трепещут, как крылья умирающей птицы. Убийца опускает нож, и кровь с лезвия капает на белый снег, на пурпурную ткань. Женщина подбирает книгу и продолжает читать:

— Породившая тьму, *imus adque deportamus...*¹

Женщина читает, и призрак темнеет, обретает плоть. С каждым словом он становится все более материальным: конечности обретают форму, прогнившая кожа становится

¹ Принимаю и заточаю (лат.)

упругой и гладкой, а рваная одежда целой. Женщина замолкает и смотрит на существо перед собой:

— Милая матушка, я так по вас скучала.

Старуха кивает, и они вместе уходят по полю. А снег заметает мертвое тело, постепенно заносит трупик совсем, и на белом фоне его больше не видно.

2010 год

Дин и Сэм гонят по темной проселочной дороге. Дин настраивает радио, Сэм улыбается и откидывается на пассажирском сиденье. Жизнь прекрасна.

— Долго еще? — интересуется Сэм.

Дин бросает на него косой взгляд:

— Чувак, это же ты мой личный GPS-навигатор, вот и скажи.

Дин тоже улыбается: ему нравится напоминать Сэму, что тот — младший. Но Сэм молчит.

— Ты мой второй пилот, только без формы.

Нет ответа.

— Сэм? Ты еще с нами? Когда мы приедем? — чуть встревожившись, спрашивает Дин.

И Сэм поворачивается к нему:

— Мы никогда не приедем, Дин. Это конец. Все кончено. Меня нет.

* * *

Дин подскочил на постели, сшибив рукой на четверть полный стакан виски на прикроватном столике. По светлой циновке расплылось пятно.

— Вот дерьмо!

Дин скатился с кровати, чтобы взять полотенце, перекинутое через спинку стоящего у окна стула, но едва он спустил на пол ноги, оказалось, что простыни спутались вокруг лодыжек. Стреноженный, Дин свалился ничком.

— Отлично. Еще один зашибись какой вариант начала дня, — пробормотал он.

Дверь спальни открылась, и перед глазами Дина появились ступни с аккуратно покрашенными ногтями. Он поднял взгляд: Лиза Брейден смотрела на него сверху вниз и сочувственно улыбалась. Дин уже почти привык, что у Лизы всегда такое лицо, когда они общаются. Именно с таким выражением лица она встретила Дина, когда тот объявился на пороге ее дома шесть недель назад после бог знает скольких лет разлуки. У них никогда не было серьезных отношений — просто пара встреч много лет назад, но Дин и Сэм спасли ее от потусторонних похитителей детей.

— Приятно видеть, что ты сегодня забрался так далеко от кровати. Дальше, чем за всю неделю.

Дин осоловело кивнул. Такая вот у него жизнь.

Глава 1

— Я сделаю тебе омлет, — Лиза подобрала с пола джинсы. — Мы сегодня собираемся на озеро Морс. Хочешь с нами?

Дин снова обрушился на кровать:

— Нет, спасибо. Я лучше здесь побуду.

Лиза скользнула взглядом по его небритому лицу:

— Но почему? Будет весело. Помнишь, как это — «весело»?

Дин выдавил улыбку: от несерьезности разговора его чуть ли не тошнило.

— И с Беном ты уже неделю не разговариваешь, — Лиза присела на кровать и взяла Дина за руку. — Я не возражаю, что ты все время сидишь в гостевой комнате, но ведь это как с привидением жить. Я говорила, что не собираюсь заставлять тебя...

— Да-да, ты права, — резко перебил Дин и тут же пожалел, что заговорил таким тоном. — Прости. Я пытаюсь.

— Я знаю. Я тоже. Вот поэтому я и спрашиваю, не хочешь ли ты в парк.

Она провела ладонью по светлым волоскам на тыльной стороне руки Дина, и у него засосало под ложечкой. Дин выдернул руку из ее пальцев.

— Дай мне пару минут.

Лиза поджала губы, будто собиралась сказать что-то еще, но просто чмокнула Дина в щеку и встала. У двери она оглянулась и показала его джинсы:

— Просто на случай, если ты все-таки решишь ехать с нами, эти я бросаю в стирку.

Дин кивнул.

Лиза медленно закрыла за собой дверь и пару секунд не уходила, раздумывая, не совершила ли ошибку, когда увидела на своем крыльце Дина ипустила его в их жизнь — свою и сына. Бену было двенадцать, чувствительный и впечатлительный мальчик. Лиза понимала, что Дин в душе добрый и благородный, но еще она знала, что годы охоты лишили его умения проявлять эмоции. Она думала, что сможет пробить все барьеры, но теперь, спустя почти два месяца, уже сомневалась, что поступила правильно. В эмоциональном плане Дин походил на вагонетку русских горок с неисправными тормозами, и то, как скоро он сойдет с рельсов, оставалось лишь вопросом времени.

Дин посидел на краю кровати, потом опять лег, закрыл глаза и принялся снова проигрывать в мыслях момент, когда Сэм прыгнул в огненный провал, разверзшийся посреди кладбища. Он был с братом, но не мог сделать ничего, чтобы помешать ему. Разговоры не помогали: Сэму пришлось прыгнуть, но едкое сожаление постоянно скручивало Дину живот. Надо было остановить его, но другого выхода не было. Сердце то и дело колотилось и подсказывало к горлу. Реальность всегда оставалась с ним, мозг Дина не мог отвергнуть ее: Сэм ушел навсегда. Горький виски, который он выпивал жадными глотками, немного помогал. Но часто поздним утром, когда Бен уходил в школу, а Лиза — проводить занятия по йоге в Кармеле, в голове у Дина прояснялось настолько, что он снова, момент за моментом, вспоминал, как Сэм прыгнул в яму. У них не было другого способа спасти мир. Сэм сказал «да», и Люцифер захватил его тело. Весь план опирался на сомнительную идею, что Сэму удастся сохранить достаточно сознания, чтобы вместе с запертым в нем Люцифером шагнуть в яму. Братья собрали кольца всех четырех всадников — Смерть сам отдал Дину свое — и эти кольца открыли вход в Ад. Но все прошло не так просто: им не удалось заманить Люцифера в портал и, как было суждено, Михаил и Люцифер встретились на поле битвы, готовые разобраться друг с другом. Сопутствующие жертвы исчислялись бы несколькими сотнями миллионов людских жизней, и никому бы не пришлось платить за просмотр — битва разворачивалась чуть ли не перед дверями их домов. Но тогда Сэму все же удалось

вернуть контроль над телом и исчезнуть в клетке. Там он останется навсегда. В этот момент пропасть открылась у Дина в душе, и ничто не могло ее заполнить. Виски только приглушал боль на несколько часов, а потом снова накатывали мысли. Паническая вина занимала свое законное место, и Дин несся вниз по ступеням на кухню, чтобы выпить хоть чего-нибудь и снова перестать чувствовать. Однажды Лиза обнаружила его, лежащего в одних трусах на кухонном полу, и разлившуюся по линолеуму лужу микстуры от кашля. Осколки бутылочки валялись тут же, несколько впились в его ступни. Лиза терпеливо помогла ему подняться на второй этаж, сунула в душ и ждала, пока он не протрезвеет настолько, чтобы суметь добраться до кровати.

Когда Дин проснулся на следующее утро, Лиза сидела на постели и смотрела на него.

— Не очень хорошо вчера получилось.

— Да, извини. Наверное, идти сюда было не лучшей идеей.

— Может быть. Но я хочу, чтобы тебе стало лучше.

Дин сжал переносицу:

— Не думаю, что после такого вообще может стать лучше.

Поэтому, наверное, мне лучше уйти. — Дин попытался слезть с кровати.

— Не надо уходить. Можешь оставаться столько, сколько хочется. Но если хочешь это пережить, надо что-то для себя решать.

— Нельзя просто жить дальше после таких вещей, Лиз. Я позволил ему сделать это.

— Другого выхода не было, ты сам говорил, помнишь? Я не могу тебя простить, Дин. Ты сам должен себя простить, — Лиза поднялась и повернулась к двери. — Ты больше не мог ничего сделать.

Дин покачал головой:

— Не уверен.

— Никто не мог, — Лиза взялась за дверную ручку. — Я принесу тебе кофе. — Она ушла, оставив Дина с колотящимся сердцем.

И постепенно Дин начал вписываться в новую жизнь: вставал немного раньше полудня, по вечерам смотрел с Лизой